

Кочубей Сергей Александрович

-Группа 4305, специальность «Квантовая оптика».

-Сразу после окончания работал в Институте Прикладной Физики (ИПФ); с 1973 г. в Институте Физики полупроводников (ИФП). Занимаюсь изучением внутримолекулярных процессов в сверхзвуковых пучках при лазерном возбуждении (фотохимия и молекулярная спектроскопия), другая область моих интересов это изучение когерентных состояний среды при лазерном возбуждении (эффект фотонного эха).

-Что считать семьей? Сейчас это мы с женой. Дети два сына живут отдельно. Есть внуки. Три внучки. Две маленькие три и четыре года, и одна большая 23 года. Старшая окончила наш Университет, Экономический факультет, и магистратуру где-то в Петербурге. Внук 11 лет школьник. С детьми и внуками общаемся регулярно. Это ближайший круг.

Какие пожелания? Еще пожить с удовольствием. Это пожелания друзьям и однокурсникам. А кто еще будет на нашей встрече, я не знаю, может быть, какая-нибудь молодежь, им-то такое желать глупо.

Ни былого, ни дум

Примерно месяц, или два, или три назад мне позвонили и попросили написать воспоминания о временах учебы в университете. При этом польстили: сказали, что вас очень рекомендовали. Дескать, у вас должны получиться какие-то особенные воспоминания. Это, конечно, наглая лесть, в жизни ничего не писал кроме школьных сочинений и кое-каких научных статей и то в прискорбно малых количествах. Но все равно, так приятно. Я и пообещал, сдуру.

Ну, напыжился и стал думать, что бы такое написать. Конечно, если бы все мои сокурсники и околокурсники уже померли, то «вспоминать» было бы значительно легче и можно было бы такого понаписать ... Правда, читать было бы некому.

В голову лезли лишь дурацкие шутки и происшествия студенческой поры. Поэтому я решил еще повспоминать, а тем временем стал придумывать название для своего опуса. Название, в конце концов, придумалось шикарное – «Былое и думы». Я был очень доволен, стал всем хвастаться, но мои, сведущие в литературе родственники, быстро погасили мою радость. Оказывается, какая-то гадина, уже использовала это название для своего произведения. Интересно, чего она там понаписала.

Время шло, хоть что-то написать было бы нужно, но что? Ответа на этот вопрос не было. В конце концов, решил не выпендриваться, а писать все подряд, что вспомнится, какой бы бредятиной это не было. Вспомнится-то, оно, может быть, и вспомнится, а вот было ли это на самом деле, черт его уже знает. А что касается дум, то с этим еще хуже.

Какие тут могут быть думы при воспоминаниях о днях юности, кроме одной, что помирать уже скоро, как говорится, кончину чую. Но это, наверное, и без меня все знают. Думать же на тему, как тогда было хорошо, а как теперь хреново, или наоборот - полный идиотизм. Сравнить те времена и нынешние все равно, что искать ответ на вопрос – А вот ежели Брежнева на Путина напустить, то кто кого заборет? Есть такой детский вопрос, про кита и слона – «кто кого заборет?» Но, так этих зверей будет легче сравнить, чем Брежнева с Путиным, а жаль. Но реально, с думами проблема, да и бывшее что-то плохо я помню. Т.е. я хочу сказать, что близко к сердцу то, что я тут возможно напишу, принимать не стоит.

Поступил я в наш университет по воле случая. Учился в физматшколе, куда попал тоже по воле случая. Планов на жизнь у меня никаких не было, особого пристрастия к точным наукам тоже не было. Учился средне. Поступил в ФМШа по дополнительному набору зимой 1963 г. Проучились мы в ней полтора года. Вдруг какой-то шум, волнения, оказывается, решено закончить наше обучение в ФМШ. Выпускные экзамены были совмещены с вступительными в университет. Только сочинение писали еще одно дополнительно для университета, но, по моему, эти сочинения никто даже и не читал. Мое, так наверняка, иначе бы в университет меня не приняли. Я там такую фигню про Маяковского нагородил, а про грамотность и говорить нечего. Писал я без всяких знаков препинания, даже точки не ставил. Но ничего, сошло и так. Глазом моргнуть не успел, как оказался в университете.

И вот, осенью 1964 г. мы приехали учиться в университет. Мы это - Саша Гайнер, и Игорь Вильф, ну и конечно я. Все из Хабаровска и вместе учились в ФМШ. Игорь поступил на мехмат, а мы с Гайнером на физфак. Поселили нас в общежитии на Морском, вернее на Терешковой. Здание углом по Морскому и по Терешковой. Крыло вдоль Терешковой занимало студенческое общежитие, а вдоль Морского поликлиника. В одной комнате с нами поселился Павел Чаповский, тоже из нашей фымышовой компании.

Первым делом мы с Игорем пошли и купили две бутылки портвейна. Интересно, что во время учебы в ФМШ мы совсем не пили, хотя свободы было хоть отбавляй. Да и потом во время учебы в университете как-то не особо часто выпивали. Я бы сказал, что практически совсем не пили. Хотя эта первая выпивка прошла на ура. Мы были дико довольны. До сих пор приятно вспомнить. Сейчас уже того удовольствия от алкоголя нет, а пить стали чаще. Я, конечно, сужу по себе, но сдаётся мне, что и другие мои друзья, тоже пьют больше чем в молодости. Все живут по заветам древних греков, которые считали, что вино это напиток стариков, чтобы выпивая, они радостные и довольные уходили в мир иной.

Приехали мы на несколько дней раньше начала занятий, время проводили весело. Деньги у всех кончились мгновенно. На что мы их потратили? я сказать не могу, выпивать, кроме описанного случая, мы не выпивали. Были, наверное, какие-то «безумные» траты, но не запомнились. Короче, денег нет, есть хочется до жути, а стипендия еще не скоро. Хватило ума на последние копейки послать домой телеграмму. «Помираем с голоду, шлите деньги». Все же дня два мы голодали. А потом кому-то первому пришел перевод, и мы помчались в красную столовую.

Кормили тогда в столовых Академгородка замечательно. Правда это был последний краткий миг того времени, когда еда в столовых была еще съедобной и дешевой. Дешевизна в столовых была сказочной. Помню Изик Шмерлер (он учился в ФМШа в одном классе с Гайнером и Чаповским, а в университет поступил на мехмат) спорил с кем-то, уже не помню с кем, что сумеет в красной столовой за один обед проесть три¹ рубля. Спор был нешуточный, посмотреть на то, как Изик будет поедать такое колоссальное количество пищи, собралось довольно много народу. Изик спор выиграл. Он

¹ Игорь Вильф прочитал эти воспоминания и прислал мне письмо, в котором пишет, что Изя спорил с Виталием Мазуром, и предметом спора было проедание не трех, а пяти рублей.

взял порций десять азу по татарски и еще чего-то по мелочам, чтобы легче проскакивало. Теперь Изик писатель, зовут его Израэль Шамир. Косит под пламенного борца с мировым заговором. Прошлым летом был в городке.

И вот мы, голодные, как волки, прибежали в эту столовую. На первое в этот день в столовой была отличная, жирная, наваристая стерляжья уха с перчиком горошком и лавровым листом и свежим зеленым укропчиком, а на второе замечательный бифштекс, накрытый жареным яйцом, и к нему гарнир картофельное пюре, еще разные пирожки, компот, кефир, салат оливье и еще что-то. Никогда в жизни, ни до, ни после, я не ел с таким удовольствием. Мы так хотели есть, а еда была такой вкусной, что Игорь Вильф даже упал в обморок. Когда он уже отходил от кассы парок от стерляжьей ухи шибанул ему в ноздри, ноги у него подкосились, и он начал медленно оседать. Рядом оказался Гайнер, который быстро кинулся на помощь и успел спасти стакан с кефиром. До сих пор помню бледного Игоря на стуле, как-то сумел все же на него приземлиться, и Сашу с безумными глазами, сжимающего двумя руками стакан кефира, а все остальные яства на полу.

Чтобы покончить с описанием условий нашего питания, приведу еще одну историю, авторство которой принадлежит Гайнеру. Я слышал ее от него. Эта история относится уже к временам, когда мы жили на Пироговке и питались в студенческой столовой. Все было уже совсем не такое вкусное.

Стоит Гайнер в длиннющей очереди в старой студенческой столовой, впереди него Саша Рубенчик (еще один фымышонок из нашей компании). В животе у Гайнера, по собственному его выражению, от голода уже схватки начинаются, а Рубенчик стоит и что-то жует с довольным видом. Посмотрел на Гайнера, и так это, с чувством превосходства говорит – «Что, есть, наверное, хочется? И зубы, наверное, все здоровые? Вот, а у меня дупло. Я из него вчерашнюю котлетку выковырял, и перекусываю, пока очередь не подошла».

Сказать, что учеба в университете давалась мне легко я не могу, сказать, что тяжело - тоже. Она мне вообще никак не давалась. Точнее, давалась она мне все же легко, но учился я на редкость хреново, потому что практически не учился. О чем сейчас дико сожалею. Распорядок дня у меня был следующий: спал до 10 часов; продравши глазки, тащился на почту. Там был газетный киоск, в котором работали две замечательные женщины, кажется, мать с дочерью. В 90ые, когда киоск на почте закрыли, они перебрались в киоск рядом с «Академией» (бывшая «Москва»). Еще совсем недавно (может лет 5 назад) младшую из них я видел в этом киоске. Старшая, наверное, уже умерла. Так вот эти дамы всегда оставляли по одной газетке не для продажи, а для бесплатного чтения. Любой мог прийти и почитать. Были свои завсегдатаи этого читального зала, и я был один из них, прочитывал практически все газеты. На это уходило все время до обеда. Это было мое единственное постоянное занятие.

Затем шел в столовую, там встречался со своими друзьями, узнавал университетские новости: какие темы читали на лекциях и какие задачи решали на семинарах. Из столовой переключивался в общагу. Время проходило в беседах и милых развлечениях типа карточных игр, иногда играли в шахматы, в основном блиц. Был период, когда кто-то притащил в общагу игру в настольный хоккей. Примерно с месяц играли в эту игру с большим азартом.

Что касается посещения лекций и семинаров, то делал я это, к моему выше упомянутому сожалению, крайне редко. Из лекторов мне в первую очередь запомнился Юрий Борисович Румер. Говорил он громко, так что все было хорошо слышно на самых верхних рядах, гладко без всяких запинаний и сбоев. Излагал все последовательно и исключительно понятно. Нам он читал курс термодинамики и статистической физики. Ю.Б. Румер человек легенда, о нем много чего написано, я могу добавить только описание своего восприятия этого человека, и то сильно искаженное временем.

Кроме лекций в университете я присутствовал еще на встрече Ю.Б. Румера с фымыштатами. Кто организовал эту встречу, я не помню. Прийти мог любой, народу собралось не очень-то много, человек 20. Ю.Б. рассказывал некоторые свои воспоминания и давал кое-какие советы. Один совет я запомнил. «Вы, главное, сами себя цените, не считайте глупее других». За точность воспроизведения я не ручаюсь, и из какого контекста мой мозг выхватил его, я тоже не помню. Мне кажется, любой человек склонен считать себя самым умным, но все же червь сомнения иногда глохнет, а тут такой выдающийся человек советуется тебе то же самое. Это ободряет и окрыляет.

И еще, сейчас уже не помню когда, то ли на одной из лекций, то ли на встрече в ФМШ, Ю.Б. рассказывал о чем-то из периода своего пребывания в Геттингене. Кусочек этого рассказа тоже запал мне в душу. Весьма приблизительно это звучало так - «Был у нас в Геттингене один страшно тупой профессор, математик. Втолковать ему суть какой-нибудь проблемы, легче было удавиться. Зато, если все же втолкуешь, то проблему он решал всегда и досконально исследовал все ее варианты и следствия», и, помолчав, добавил - «Звали профессора Давид Гилберт». Я теперь всегда, если чего не понимаю, вспоминаю про Гилберта. Это сильно утешает. Не один я тупой.

Запомнились лекции по квантовой механике нашего щеголеватого ректора С.Т. Беляева. Читал он их в соответствии с курсом лекций Р.Фейнмана по квантовой механике. Фейнмановские лекции по физике - выдающееся произведение. Особенно мне нравятся части «Электричество и Магнетизм» и «Электродинамика», как замечательно написано, куда там всем этим Львам Толстым с Флоберами, но именно «Квантовая Механика» из всех этих лекций будет, на мой вкус, похуже всего остального

Помню еще лектора (он же вел и семинары) по такому замечательному, ныне забытому предмету, как «Научный Коммунизм». Интересно, преподавали ли в свое время в университетах Германии в обязательном порядке «Научный Фашизм»?

Сейчас почему-то принято считать, что коммунизм и фашизм – «две большие разницы». А по мне, если и дальше пользоваться идиомами, одни и те же яйца только в фас и профиль. Действительно, у одних главная идея – уничтожить всех буржуев, и наступит рай земной, а у других всех евреев, ну еще и цыган заодно. Ну и кто лучше? Трудный выбор. Особенно для еврея буржуя.

Недовольные жизнью люди, а таких много, всегда склонны винить в своих бедах внешних врагов. Нужно только им этих врагов указать. Нынче в качестве врагов популярны американцы, или вообще «Запад», «мировая закулиса», а под эту вывеску любой подходит. Как посмотрю телевизор, сразу чую – скоро начнем тяпками друг другу головы рубить.

Лектора по коммунизму помню-то я хорошо, а вот, как звали, забыл. Здоровый такой, жилистый был мужик спортсменистого вида. Я посетил одну первую лекцию. Мне товарищи настоятельно посоветовали показаться хотя бы на одной.

Лектор начал без затей с того, что заявил – «предмет, который изучает «Научный Коммунизм» еще окончательно не определен, но отчаиваться не стоит, лучшие умы отечественной философской науки успешно бьются над этой проблемой». Тут я сразу затосковал, почуяв смертельную для моего дальнейшего обучения в университете опасность. Но в действительности все кончилось благополучно.

Лектор оказался великодушным человеком. Когда подошла пора экзамена, он решил провести собеседование и попросил студентов, которые посещали его лекции и семинары, передать всем остальным его строжайший приказ всем явиться на это собеседование. На нем сначала он поговорил о какой-то ерунде, как будет проходить экзамен, и на что следует обратить внимание, а в заключении сказал – «Вообще то, если кто-то хочет получить тройку, то я могу поставить ее прямо сейчас без всякого экзамена». Я понял - это шанс, который нельзя упустить, и рванул к нему, с грохотом сшибая стулья и спотыкаясь. По-моему, даже один раз упал по дороге. Зачетку я держал в вытянутой руке. Научный коммунист здорово оторопел от такой бурной реакции и даже, мне

показалось, слегка обиделся. Но деваться ему было некуда, и свою троечку я получил. И вприпрыжку побежал на почту читать «Советский Спорт».

Второй раз мне так повезло с экзаменом по «Нелинейной оптике». Это был спецкурс, который читал Сергей Глебович Раутиан. Замечательный был лектор. Я посетил несколько его лекций. Было это на последнем, 5ом курсе. Тогда я уже начал немного выходить из транса, и спецкурсы, хоть и с пятого на десятое, но посещал.

Приходим мы на экзамен, рассаживаемся в аудитории, достаем ручки, тетрадки, книжки, а С. Г. нам заявляет – «Давайте свои зачетки. Я сегодня ставлю педагогический эксперимент. Все, кто пришел на экзамен, получают пятерки». Эксперимент, с моей точки зрения, удался на славу. Это была последняя сессия, и это был единственный в ней экзамен. Так что, под занавес, все получили повышенную стипендию.

Один бедолага Женя Черкасов пролетел. Он проявил повышенную требовательность к себе и решил, что недостаточно готов к экзамену и ему стыдно плохо знать столь важный предмет, и плохо отвечать на экзамене такому уважаемому человеку, как Сергей Глебович. Сергей Глебович заведовал кафедрой «Квантовой оптики», на которой наша группа проходила специализацию. Все студенты относились к С.Г. Раутиану с большим пиететом (надеюсь, я правильно употребил это красивое слово).

Экзамены я всегда сдавал с большим трудом и большими волнениями и не только потому, что плохо знал предметы, хотя отчасти и поэтому. Сдача экзамена это – искусство, которым я так и не смог овладеть. Байки о том, что студент за ночь перед экзаменом может выучить китайский язык это не про меня. Я делал несколько таких попыток постичь всю науку, необходимую для сдачи данного конкретного экзамена, в последнюю перед ним ночь, ни одна не увенчалась успехом. Эти попытки мы всегда делали вместе с Сашей Гайнером.

Приняв решение заниматься всю последнюю ночь, мы сразу успокаивались и весело проводили все оставшееся до этой ночи время. Вечером мы начинали подготовку к ночным бдениям, шли по друзьям-товарищам и выклянчивали всякие дефицитные книжки и конспекты лекций по предмету экзамена. Затем, и это самое главное, шли в магазин и закупали массу продуктов, крайне необходимых для того, чтобы поддерживать наши силы во время ночного бдения. Покупали чай, сахар, белые батоны хлеба, колбасу, сыр, какие-нибудь консервы, конфеты и т.п. На ночь мы располагались обычно в кухонном блоке, перетаскивали туда стол, стулья, ставили чайник, брали в руки книжки и некоторое время, пока не закипит чайник, как два буратины на холст, смотрели в них. Чай закипал, мы наливали по чашке чаю и начинали есть, и ели мы, пока не съедали все, что запасли, а запасали мы немало. По окончании ночного жора мы чувствовали, что, если мы немедленно не пойдём спать, то скоро попадаем со стульев. Тогда единогласно принималось волевое решение идти спать. А экзамен? Ну что экзамен! Можно же, договорившись с преподавателем, перенести его куда-нибудь подальше к чертовой матери.

Отдельная песня - это преподавание английского языка в те времена на Физфаке НГУ. Метод обучения был весьма специфическим. Существовал сборник текстов, которые нужно было заучивать наизусть. Это был главный этап. Все остальное, перевод, ответы на вопросы по тексту, заучивание слов и идиоматических выражений, было значительно легче.

Первая моя англичанка, милая женщина, Коршунова (имя и отчество к стыду своему вспомнить не могу)², к студентам относилась по-человечески, т.е. без проблем принимала хвосты и достаточно снисходительно относилась к пропускам занятий. В ту пору она была страстной хоккейной болельщицей. Болела за нашу «Сибирь». Ее кумиром

² Прочитал мои воспоминания мой племянник Ваня Власюк. Он заканчивал наш университет в примерно 2000 г. Его, оказывается, тоже учила Коршунова, и у него остались о ней самые теплые воспоминания. Он сообщил мне, что зовут ее Людмила Александровна.

был хоккеист Индюков. Интересно, сейчас она продолжает болеть за «Сибирь»? Я недавно встретил ее на Морском и не узнал, вижу, жена с кем-то здоровается.

К сожалению, она была моей преподавательницей только примерно один семестр. Ее сменила Бархаш, если не путаю, Ревекка Яковлевна. Это была старушка - божий одуванчик. У нее можно было вообще ничего не делать и практически не ходить на занятия, а, если приходил, то первое, что она спрашивала – «Как ваше здоровье? Что-то вы неважно выглядите. Может быть, вы все же болеете, или переутомились? Может вам лучше пойти домой, лечь отдохнуть? Я вас отпускаю». Причем все это так настойчиво, трудно было устоять и остаться на занятиях.

А вот с третьей своей англичанкой Ляпиной (имя отчество я опять не помню) я хлебнул горя. Студентов она не любила, но особо злобной не была. Просто было видно, что все эти студенты и все это преподавание мешает ей жить. Но главный ее недостаток состоял в том, что ее разгильдяйство превосходило мое. Она всегда опаздывала на занятия, т.е. в те разы, когда я являлся на занятия, она приходила намного позже меня, а иногда и вовсе не приходила.

У меня накопился долг. Попытался его сдать, но не тут-то было: то она не может в ближайшее время, то не хочет, то болеет. В конце концов, она заявила, что с таким нерадивым студентом она дела иметь не желает и к экзамену меня не допускает. Живите, как знаете. Я понял – пришел «конец» на мягких лапах, и перестал совсем ходить на английский. А государственный экзамен уже вот он.

К экзамену-то я подготовился, это дело простое. Нужно было приготовить несколько простейших тем, чтобы уметь их рассказать на английском. Несколько примитивных фраз на заданную тему. Потом ответить на пару вопросов экзаменатора, которому уже тошно их задавать, а еще тошнее слушать на них ответы, и перевести с английского на русский какой-нибудь научный текст. Короче, как-то я подготовился и без особых надежд все же притащился на экзамен. И тут безалаберность моей англичанки меня выручила. Она, как выяснилось потом, забыла или не успела подать список не допущенных на экзамен студентов, а сама, как водится, прилично опоздала. Я спокойно сдал экзамен на пять, причем самой вредной, по отзывам сокурсников, англичанке, и тут заявляется моя преподавательница. Крик был страшный, даже из-за двери было слышно. Оценку мне все же снизили до тройки, но экзамен я проскочил.

Все это я рассказываю, наверное, из-за врожденного занудства. Скажи зануде – «Привет! Как дела?». Он и начнет сразу подробно рассказывать, как у него дела. Но, чтобы, ни у кого не создалось превратного мнения, хочу все же сказать: «На своих учительниц английского я не в обиде, этот язык я не знаю исключительно из-за собственной лени».

Где и с кем мы жили первый семестр, я уже писал. Стоит добавить, что в соседней комнате жил Фима Чернин и еще два студента с механико-математического, а может и физического факультета - Володя Павлов, имя и фамилию второго я забыл. У Фимы был редкостный талант давать знакомым прозвища. Павлова он окрестил Американским автомобильчиком, а второго своего однокомнатника Мумошей. И действительно посмотришь на Павлова - вылитый Американский автомобильчик, посмотришь на другого соседа - вылитый Мумоша. Хотя, что значит Мумоша, убей меня бог, не знаю, а все равно похоже. Еще помню, что Юру Бельченко Фима окрестил Утликком, а Сашу Рубенчика – Мосликком.

Первый год были популярны невинные школьные шутки с взрывами. Например, насыпали некоторое количество взрывчатки (какой не знаю) в пакетик, из алюминиевой фольги, затем этот пакетик незаметно подсовывали под чайник, в котором кипятился чай на кухне. Через некоторое время раздавался хлопок, и чайник слетал с плиты. Прибегал раздосадованный хозяин, громко ругаясь, опять наливал воду, приносил стул и садился караулить. Однажды на эту «шутку» попался какой-то сверхбеспечный тип. Он каждый раз после очередного взрыва спокойно без ругани наливал воду в чайник, находил на нем

самое плоское место, которое могло служить дном, ставил чайник на плиту и уходил по своим делам. В конце концов, это так раззадорило подрывников, что они заложили под этот чайник лошадиную дозу взрывчатки. Раздался оглушительный взрыв. Плиту разворотило и вылетело окно на кухне. В момент взрыва в шаге от плиты случайно оказался кто-то из студентов. Прибежавшие на звук взрыва любопытствующие увидели, что на кухне около умывальника стоит паренек и, насвистывая какую-то песенку, моет под краном руки. Все подивились его железной выдержке. Но, когда кто-то через несколько часов опять заглянул на кухню, то увидел, что этот бедняга все еще моет руки и заливается соловьем. К вечеру он пришел в себя и начал в сильнейшем возбуждении бегать по общежитию и всем рассказывать, как он мыл руки, а тут рядом, как шандарахнет. Ё-моё!

На втором курсе, после возвращения с летних каникул нас с Павлом Чаповским поселили в одной комнате с Сашей Кирпотиним. Это был незабываемый кадр. Постельным бельем он не пользовался, как получал его из прачечной, так сразу забрасывал его куда-то в угол, и оно там валялась до следующей смены. Вечером приходил, бухался на кровать и зарывался в лежащую на ней кучу одеял и разной одежды. Утром протирал глазки кулаком и топал по своим делам. Мы с Павлом так и не смогли понять, снимает ли он на ночь ботинки или так в них и спит. Остальную одежду то он точно не снимал. Еще с нами поселился тишайший студент первого курса, которого мы за глаза, между собой называли Белобрысый.

Кирпотин был провокатором грязного образа жизни, и мы легко на эту провокацию поддались. Я бы сказал даже с некоторым удовольствием, жить, ничего не убирая, значительно легче. Мыть полы и подметать мы перестали. Посередине нашей комнаты высилась гора мусора примерно метр высотой (грязные носки, бутылки из под кефира всякие объедки, бумага и т.п.).

С кем в это время жил Гайнер, не помню. Помню, что примерно в это время у Гайнера с Чаповским был спор – сможет ли Саша выпить фужер водки и пройти по половине. Гайнер залпом хлопнул фужер водки, и, пока она не успела долететь до брюха, быстро пробежал по половине и пошел спать.

К концу семестра нас переселили в пятое общежитие, а первая общага на Морском прекратила свое существование. В пятом мы трое, т.е. Гайнер, Чаповский и я опять поселились вместе. Четвертым у нас поселился Витя Манион, но он был какой-то непостоянный жилец, возможно, я что-то путаю и он просто иногда приходил к нам на постой на чью-нибудь пустующую кровать.

Затем нас переселили в третье, только что построенное, общежитие. Здесь мы жили в том же составе плюс Женя Черкасов по прозвищу Джон. Джон, мой одноклассник по ФМШ, был оригинальнейшей личностью. Про него можно много чего рассказать. Вообще он был, как та кошка, которая гуляла сама по себе и неизвестно где. Часто приходил с синяком под глазом. Приключения с мордобоем у него случались довольно регулярно. При этом он не был каким-то злобным скандалистом, агрессия ему была не свойственна, но он был правдолюбом с «синдромом» супергероя. Для того, чтобы больше соответствовать своим наивным представлениям о супергерое (у нас у всех есть представления о супергерое и все они наивные), он повесил у нас в комнате боксерскую грушу и регулярно ее нещадно тузил. От него же я впервые услышал слово каратэ. Было это так. В семь утра мы просыпаемся от страшного грохота. В центре комнаты на полу лежит Женя. Вид у него такой будто он упал с луны и сильно расшибся. Потом он медленно-медленно подымается, и, вдруг, прыгает вверх, пытаясь при этом ногой выбить верхнюю, под самым потолком, дверцу стенового шкафа, и опять плашмя всем телом падает на пол. Бескомпромиссный был человек. Мы спрашиваем – «Джон, зачем это ты так над собой издеваешься?», а он нам объясняет, что это он осваивает новый вид японского «искусства» набития морды любому врагу – каратэ называется. Мы, конечно,

съехидничали на тему того, что вместо этих врагов ты загодя сам себе так набьешь зад, что и врагов уже никаких не надо.

А вот боксерская груша - замечательное изобретение, лучше любых тренажеров и гимнастических снарядов. Проходя мимо, трудно удержаться, чтобы хоть немного не поколотить ее, а в результате получаются регулярные занятия физкультурой.

По-видимому, у Жени были какие-то друзья в медицинских кругах, во всяком случае, он любил поговорить на медицинские темы, особенно на темы, связанные с психиатрией. Один раз он явился с огромной авоськой, набитой котлетами «спутник». Сказал, что был в городе в ресторане на банкете у своего знакомого, который защитил какую-то медицинскую диссертацию. «Народ там напился и полез танцевать, а котлеты пропадают. Ну, я прошелся по столам, собрал все». Мы потом долго подъедали эти котлетки.

Женя жил тем, что добудет сам, в отличие от нас, которым помимо стипендии, помогали еще и родители. Стипендию Женя часто не получал по разным причинам, и эти котлеты были для него важным источником калорий. Поэтому он нам их особенно и не предлагал. Мы на это не обижались, но и особым милосердием не отличались. Котлеты Женя повесил в сетке за окном. Если открывать форточку, то сетка втягивалась в комнату, а если закрывать форточку то все опускалось назад, но можно было, первый раз это вышло случайно, при известной сноровке одну котлету прищемить второй форточкой и раздавить. Такую котлету мы признавали, как спартанцы некоторых детей, некондиционной. Поступали мы с ней значительно гнуснее спартанцев. Мы ее немедленно съедали. Первым такой способ применил и совратил нас, невинных, злодей Чаповский.

В другой раз, явившись, по-видимому, опять после общения со своими медицинскими друзьями Женя заявил, что он овладел секретом гипноза и может любого из нас загипнотизировать. Тут же самый храбрый из нас, человек, не знающий сомнений – Сеня Рубанович выступил вперед, и сказал – «загипнотизируй меня». Женя посмотрел на него, как опытный велорикша на нового клиента, и ответил – «нет, на тебя уйдет слишком много дорогостоящих препаратов, которые пригодятся мне для более важных дел». После этого наш интерес к Жениному гипнозу пропал.

Пару слов о Сене Рубановиче. Сеня учился в ФМШ в одном классе с Чаповским и Гайнером и еще в школе водил дружбу со всеми нами, т.е. с Гайнером, Чаповским, Вильфом, Галей Завьяловой, моей будущей женой, ну и мной. Сеня математик, по моим представлениям очень талантливый математик, к тому же очень упорный и трудолюбивый. После окончания университета уехал в Ереван, где долгое время преподавал в университете, затем перебрался в Израиль. Там, после некоторого периода мытарств, устроился на работу в филиал фирмы «Intel». Теперь он главный конструктор всех интеловских процессоров. Процессоры, которые стоят в большинстве наших компьютеров, разработаны им. Это уже не математика, но жить-то как-то надо. Вот Сеня и выкручивается.

Вернемся к Джону. Он был очень изобретательным и предприимчивым пареньком. Вспоминается история про то, как Женя выносил мусор. Наша юность приходится на эпоху, когда туалетная бумага еще не была известна в нашей стране. Вместо туалетной, применялась в основном газетная бумага, да и всякая другая, если сильно приспичит, то даже наждачная. Народ был крепкий и неприхотливый. То, что при этом страдали наши задницы, это ерунда, но то, что от такой бумаги мог пострадать унитаз, это было уже серьезно. Унитаз мы берегли и использованную бумагу в него не бросали, а складывали в мусорную корзину. Кроме использованной газетной бумаги было много всякой упаковочной и писчей (старые тетради, черновики и т.п.). Мусор мы выносили по очереди, но к этой обязанности относились халатно. Довольно регулярно в нашем туалете скапливалась огромная гора бумаги. В очередное дежурство Жени, как раз и произошло такое накопление мусора. Санитарная комиссия сделала нам предупреждение и

пообещала выселить к чертовой матери на мороз, если не уберем мусор в туалете. Но Женя, конечно же, прозевал очередной приезд мусорной машины, и тогда решил уничтожить мусор на месте.

Возвращаемся мы после обеда в общежитие и видим около входа пожарную машину, заходим внутрь, там все в дыму. На нашем этаже бродят, матерясь, пожарники, слышен крик коменданта. Откуда-то из-за угла выныривает Женя. Вид у него озабоченный, озираясь по сторонам, он шепотом говорит, что бы мы быстренько смывались, т. к. нас уже ищут. Оказывается, Женя решил сжечь весь мусор прямо в туалете, но совершенно упустил из виду, что мусор не горит без дыма. Когда началась паника, он успел кое-как замести следы, спустив весь пепел и недогоревшую бумагу без разбора в унитаз, запереть на ключ входную дверь и сбежать. Сейчас комендант отпирает все блоки в поисках очага возгорания. Второй экземпляр ключа Женя ухитрился выкрасть с вахты. На наше счастье дым все же быстро рассеялся и как-то все обошлось. Унитаз только долго приходил в себя.

Зима то ли 66го, то ли 67го выдалась на редкость холодной. Окно в комнате мы по осени из-за беспечности не заклеили (не знаю, стоит ли объяснять, что это значит). Короче, рамы в окнах раньше делались не из пластика и металла, как теперь, а из дерева. Технологии были примитивные, поэтому точность изготовления была невысокой, да и дерево со временем коробилось. В окнах по периметру рам появлялись большие щели, которые по осени нужно было заткнуть ватой, а сверху заклеить бумагой. Вот, а мы это не сделали. В щели страшно дуло. Рамы обледенели и уже не открывались и не закрывались. Да, забыл сказать, рамы были двойные, т.к. стеклопакетов тогда еще не было. Их еще не изобрели. Внутреннюю по отношению к комнате щель мы еще кое-как ватой и какими-то тряпками заткнули, но это мало помогло. Бумагой заклеить мы уже не могли. К обледенелой раме бумага не клеилась, а до наружной рамы было никак не добраться. Тогда Женя принес откуда-то моток нихромовой проволоки и пригоршню гвоздей. Мы наколотили этих гвоздей по периметру рамы и в подоконник, натянули на эти гвозди проволоку, затем отрезали от утюга шнур с вилкой и прикрутили к нему концы проволоки, а вилку воткнули в розетку. Свет в общежитии померк, и было слышно, как где-то возле университета взревел трансформатор, а у нас в комнате наступил рай земной.

Одно было плохо, провод часто отгорал. Подводило место скрутки с нихромом. Мы, конечно, старались, обматывали это место полосками жести, которые отстригали ножницами от консервной банки, и затем обжимали плоскогубцами. Все равно рано или поздно провод отгорал, но мы не унывали, заново все соединяли и райская жизнь в тепле продолжалась.

Из-за этого изъяна конструкции однажды пострадал Саша Гайнер. Провод в очередной раз начал гореть и кто-то из нас с раздражением оторвал его от нагревателя и бросил на кровать, а вилку из розетки не вынул. Скорее всего, тот, кто это сделал, собирался тут же заняться ремонтом, но что-то его отвлекло.

В это время в комнату из душа, душ в те времена был в подвале общежития, пришел чистый и довольный Саша Гайнер. Он хорошо помылся и погрелся под горячим душем и выглядел, как новенький пятачок. Самый внимательный и въедливый из нас попытался притушить это сияние счастья замечанием, - «Саша! У тебя трусы надеты наизнанку». Но не тут-то было. «А!», сказал беспечный Гайнер – «это я всегда с детства так надеваю, что бы я ни делал, все равно получается шиворот навыворот. Даже бывало, уже начну одевать, а потом подумаю – Э! нет, меня так не проведешь. Быстренько сниму, выверну и опять надену, а все равно оказывается надел наизнанку». Так разглагольствуя, Саша сдернул трусы и плюхнулся своим чисто вымытым задом прямо на такие же оголенные концы провода под действующим напряжением 220 В. В следующее мгновение мир вздрогнул, и Саша, как модно сейчас говорить, телепортировался на кровать у противоположной стенки, а может, это мир зеркально отразился и подсунул под

Гайнеровский зад безопасную кровать. Все произошло так быстро, что наш мозг не успел правильно обработать видеосигнал от наших глаз.

Опять про Джона, про то, какой замечательный способ добычи денег он изобрел. Джон устраивался на работу ночным сторожем сразу во много разных мест. На вопрос, как же он умудряется сторожить одновременно в разных местах, он отвечал, что вообще нигде ничего не сторожит. Увольняют то не сразу, а зарплата идет. В одном месте я уже больше года так получаю деньги. Минимум одну зарплату удается получить всегда.

Вообще студенты в те времена частенько подрабатывали ночными сторожами на разных объектах – стройках, складах, базах и т.п. Вот Гайнер, послушав рассказы Жени об этой профессии, решил тоже немного подзаработать, но только безо всяких авантюр, а по-честному. Он устроился ночным сторожем на стройку, в район нынешнего базара в Щ. Там строился тогда колбасный цех. Никто же не знал, что мясо в стране скоро кончится и надобность в колбасных цехах отпадет. На эту стройку Сашу и взяли ночным сторожем. Нужно было три раза в неделю приходить и всю ночь пить чаек и (или) читать книжки в вагончике бытовки. Всего-то и делов. И вот, как-то вечером Саша бодро и деловито потопал на свое первое дежурство. На следующее утро он не вернулся. На это никто не обратил внимания. У каждого были свои дела: у кого читать газеты, у кого занятия в университете, у кого еще что-нибудь. Вечером, когда все собрались в общежитии, наконец-то возник вопрос, куда подевался Гайнер. Скоро мы получили ответ. Саша появился собственной персоной, но в каком виде. Сказать, что он был пьян в дребезину, значит, ничего не сказать. Он полз, как Маресьев, кое-где цепляясь за стену, кое-где на четырех ногах. В этот раз он точно бы не прошел по половице. Был он весь в грязи, из чего следовал вывод, что его путь домой был долог и труден. Ничего членораздельного он не говорил, так мычал что-то. Мы помогли ему раздеться и уложили в постель, а сами сели играть в карты. Вдруг один из нас говорит – «Надо же, никогда раньше не обращал внимания на то, что в общежитии так хорошо слышно, как идет поезд». Мы все подняли от карт головы и прислушались. Мерный перестук был действительно очень громкий. Но тот, кто сидел лицом к Гайнеровской кровати, вдруг заорал – «Какой на фиг поезд? Вы посмотрите». Все обернулись. Зрелище было незабываемое: Сашу бил сильнейший озноб, больше это было похоже на какие-то конвульсии. Кровать под ним подскакивала на всех четырех ногах. Тут уж мы призадумались, и самый умный и благоразумный из нас Павел Чаповский сказал: «Надо вызывать скорую помощь». Что мы, немного поколебавшись, и сделали. Мы боялись, что из больницы сообщат в деканат о том, что студент такой-то попал к ним в состоянии алкогольного опьянения. Времена были такие, что из-за этой ерунды у Саши могли быть серьезные неприятности. Но жизнь дороже, и мы сдали Сашу в больницу.

Там он проявил себя настоящим героем. Ему пытались сделать промывание желудка. Он выпил два здоровых графина воды с марганцовкой и ничего не выдал назад. Третий графин ему побоялись давать. На следующий день, когда мы его навестили, он был уже совершенно здоров. Про то, что с ним приключилось, он рассказывал так. Вскоре после начала дежурства к нему в гости зашел ночной сторож с соседнего объекта, тоже студент нашего университета, только с вечернего отделения, физиономия очень знакомая, предложил выпить. Саша подумал и согласился. Тут же выяснилось, что пить ему предлагают сухой спирт!? Вообще-то то, что в быту называют сухим спиртом, это никакой не спирт, а уротропин с примесью всякой фигни. В детстве у меня был пес, который почему-то очень любил таблетки сухого спирта, если зазеваешься (обычно это бывало на рыбалке, сухой спирт брали, чтобы в дождь было легче развести костер), обязательно сожрет все, что успеет, но таким пьяным, как Гайнер, я его ни разу не видел.

Что растолок в банке и развел в воде новоявленный Сашин друг, до сих пор неизвестно. Саша храбро выпил свою порцию, друг свою, и больше Гайнер ничего не помнил. Но самое обидное, что честного Саши в отличие от жуликоватого Джона, немедленно выперли с работы, не заплатив и копейки.

Джон Черкасов, часто летал на самолетах зайцем, у него был какой-то свой отработанный метод попадания в самолет, секретом которого он ни с кем не делился. В принципе можно предположить несколько вариантов. Я их не буду здесь описывать. Я вспомнил об этом не затем, чтобы рассказать о ловкости Джона, а затем, чтобы напомнить, какие простые и приятные были в то время порядки в Аэрофлоте. Помню, первый свой полет из Хабаровска в Новосибирск. Приехал в аэропорт, сдал чемодан. Через некоторое время появилась стюардесса, спросила публику, которой было не так уж много холле: «Кто летит в Иркутск – Новосибирск? Пойдемте со мной». И мы всей гурьбой побрели за ней прямо по полю к самолету. Билетов никто и нигде, кроме как при сдаче багажа, больше не проверял. На поле можно было выйти и без стюардессы и сесть в любой самолет, возле которого стоял трап. Все двери, в том числе ведущие на летное поле, были открыты.

Из событий общественной жизни вспоминается протест студентов университета против суда над Гинзбургом и Галансковым. Несколько студентов, я запомнил только, как звали одного – Александр Горбань, ночью написали на стенах общежитий и других строений лозунги, типа – «свободу Гинзбургу и Галанскову», ну, или что-то в этом же духе. В общем, ничего криминального, никакой ненормативной лексики, никаких оскорблений в адрес политбюро в этих лозунгах не было, но шум поднялся страшный. Ребят отловили, выгнали из университета, собирались даже сажать в тюрьму, но вроде бы обошлось без таких крайних мер.

Я, честно говоря, до сих пор не знаю ответа на вопрос - повлияли ли все протесты всех несогласных на ход перемен в нашем государстве? Возможно, что и совсем не повлияли, но, если бы протестов не было, то жизнь была бы совсем тоскливой. Т.е. эти протесты были в основном для того, что бы скрасить жизнь таким, как я, которые были недовольны существовавшим порядком, но предпочитали молчать в тряпочку.

Через день или два после этой акции мы небольшой компанией (человека три) шли по Пирогова возле университета. Там позади университета есть трансформаторная будка из силикатного кирпича. На стене этой будки был написан один из лозунгов протеста. Когда мы проходили мимо, там как раз работала женщина маляр. Она закрашивала коричневой половой краской этот лозунг. Мы почему-то остановились, наверное, что бы в последний раз поглазеть на лозунг. О чем мы разговаривали при этом, я не помню, но женщина прервала свою работу и начала нас очень настойчиво и горячо отчитывать за то, что мы пишем всякие гадости на стенах. Не скрою, было приятно на халяву погреться в лучах чужой славы.

Примерно в те же времена, а может на пару лет позже, в университете появилось развлечение для всей молодежи города Новосибирска под названием «Маевка». В конце 80ых, начале 90ых это празднество разрослось до размеров стихийного бедствия. Потом вроде бы пошло на убыль. Как сейчас проходит это развлечение, не знаю, я давно на нем не был. А в наше время все протекало мирно и тихо, без массового мордобоя и поножовщины. Обычно с трибуны некоторое время кто-то выступал, наши местные комсомольские вожди, заезжие кубинцы и т.п. типы, затем зажигали здоровенный костер. А после все разбредалось по окрестным кустам. Студенты слегка выпивали и пели песни под гитару. Запомнилось, как подвыпившие студенты пели – «Бьется в тесной печурке Лазо. На поленьях слеза, как смола» и т.д., и ничего: небо не рухнуло, хотя многим, как мне показалось, было жутковато.

Не большая, но теплая компания студентов (кто в нее входил точно не знаю, знаю только, что Мушер с Гройсманом) издавала рукописный журнал под названием «Прометасс». Сколько эс на конце, не запомнил. Пишу с двумя, как подсказывает мне мое чувство прекрасного. Журнал очень любопытный, в нем много чего было такого, что нам тогда нравилось и веселило. Было бы интересно сейчас почитать. Мне почему-то запомнилась в нем фотография нашего сокурсника Чувакина, кажется, его звали Леня. На фотографии он стоит с поднятыми вверх руками. Глаза выпучены, рот разинут. Внизу

подпись «Свидетель непорочного зачатия». И еще были там замечательные стихи про автобус номер 36. Я помню только две, три полстрочки – «Пусть метет пылица, капает дождище», и еще «и в жару, и в стужу мимо общежитий ... славный номер тридцать шесть». Все, как мечтал Иосиф Бродский, если конечно верить телеканалу «Дождь», - от этих стихов остались одни крысиные хвостики, по крайней мере, в моей памяти.³

В конце третьего курса я женился. Зачем, а вернее, почему я это сделал? Наверное, из-за легкомысленного отношения к жизни и «большой» любви. Любовь бывает двух сортов - обычная, нормальная любовь, так мы любим детей, родителей, бабушку с бабушкой, друзей и, конечно, жену – прекрасное и необходимое для существования человечества чувство. Другое дело второй вид любви – любовь страстная, она же романтическая. Это, когда человек, не взирая ни на какие обстоятельства, желает любой ценой достичь объекта своего обожания, когда ему уж совсем невтерпех, как говорится, «вынь, да положи». Это чувство, и к чему оно приводит, подробно описано в бесчисленных бульварных романах, одна «Анна Каренина» чего стоит. Любовью это чувство зря называют. Я так считаю, что, если и существуют какие-то патологии на сексуальной почве, которые должны преследоваться по закону, так это романтическая любовь. Куда только дума смотрит?

Лишний раз я убедился в правоте своих взглядов на любовь, когда Семен Мушер, наш однокурсник, который живет теперь в Москве и вращается в высших сферах, сказал как-то – «Что губит Российский бизнес – романтическая любовь к деньгам».

Галю я люблю нормальной любовью. Если бы я не женился на ней, то кто бы еще мог выдержать так долго ее «милую» непосредственность. Пропала бы она без меня, а мне ее жаль, потому что люблю.

В день перед свадьбой я вдруг сообразил, что у меня нет парадного костюма и белой рубашки, да и приличных туфель не было. Пришлось собирать с миру по нитке, с кого штаны сдернули, с кого пиджак. В итоге, смотрю сейчас на старые фотографии - вполне прилично выглядел. Но костюм теперь у меня есть, и уже лет тридцать пылится в шкафу. Его, может быть, уже и носить нельзя, а похоронить так вполне сойдет. Так что к другому важному событию в своей жизни я подготовился.

После свадьбы студсовет выделил нам маленькую комнату в третьем общежитии. Буквально через несколько дней после этого в нашем общежитии случилась милицейская облава. Здание оцепили и пошли с проверкой по этажам. В пять утра мы проснулись от того, что кто-то изо всей своей дурацкой мочи лупил в дверь комнаты. Пришлось встать и открыть. В комнату сразу ввалился огромный милиционер в синей шинели и потребовал паспорт. Я дал ему свой, а Галя, которая очень любит поспать и до сих пор умеет это делать, т.е. я хочу сказать, что бессонница ее не мучает, так вот, Галя решила закопаться, как следует с головой, под одеяло и проспать всю эту суету. Но нашу бдительную милицию так просто не проведешь. «Кто это там?» заорал милиционер, показывая пальцем на кровать. Я еле-еле удержался, чтобы не ответить – «А, не знаю».

Я вышел в коридор, общежитие гудело, как трибуна зрителей перед началом парада, и слышались отрывистые команды и окрики милиционеров. Облава была нешуточная, но из моих знакомых и знакомых знакомых никто не пострадал. Хотя всяких недоразумений хватало. Саша Гайнер рассказывал потом, что, спустившись в холл первого этажа, он увидел такую сцену. Офицер милиции стоит с двумя мечами в руках, как дон Румата (как раз тогда появилась книга «Трудно быть богом»), тычет ими в перепуганного Валеру Птицина и кричит: «Нет вы мне скажите, зачем вам такие ножики?» Птицин, сильно заикаясь от «волнения», пытается объяснить милиционеру, что намерения-то у него самые невинные. Его просто очень интересуют технологии изготовления холодного оружия в древности. Поэтому, он тут недалеко на лесной просеке построил небольшую домну и кузницу. Плавит руду, где он ее брал - загадка, возможно,

³ Автор ошибается. В «Прометасе» никаких стихов об автобусе номер 36 не было (примечание знатока).

Гайнер присочинил для красочности, и кует мечи по старинным рецептам. Милиционер ни черта не понимает и продолжает кричать – «Скажи, зачем тебе такие ножики?». Ну, в точности спор обезьяны с телевизором.

Самые лучшие воспоминания у меня остались о военной подготовке. Как было приятно весело маршировать строевым шагом на свежем воздухе, или бежать по льду Обского моря в воображаемую атаку в противогазе и с калашниковым наперевес. Нужно было только под край противогаза вставить, какой-нибудь небольшой предмет, обычно спичечный коробок, чтобы дышалось легко.

Водили нас как-то на учебное поле №1, это район нынешней Инженерной улицы, где сейчас выстроили два весьма приметных здания. Мы должны были выкопать окопы и занять оборону. От всех этих занятий военной подготовкой так сильно веяло детством и детскими играми, просто слезы на глазах наворачиваются и душу переполняет чувство щенячьей радости. Да и наши полковники обращались с нами точь-в-точь, как заботливые воспитатели детских садов с детьми, все время придумывали нам разные интересные игры и развлечения.

Копаемся, значит, мы в упоении в снегу, и вдруг откуда-то выскакивает заяц и бежит вдоль наших боевых порядков. Все, конечно, тут же забыли военные игры и начали орать, бросать в зайца, чем ни попадя, кто-то запустил саперной лопаткой, кто-то метнул автомат. Заяц ускакал быстро, а вот полковник скакал еще долго. Орал на нас в воспитательных целях и проверял, не утеряно ли что-нибудь из игрового инвентаря – автомат, лопатка, или военная шапка, или еще что-нибудь.

До начала военной подготовки (она начиналась со второго курса) нас сильно пугали порядками, якобы царившими на военной кафедре и необузданной свирепостью преподавателей. Все оказалось чистой водой вымыслом. За один пропуск никто тебя не отчислял с кафедры и из университета. Можно было пропустить значительно больше. Интересно, что, если причиной пропуска назвать сильное похмелье, то такая причина считалась весьма уважительной, и пропуск немедленно прощался безо всяких последствий. Это я проверял лично.

Полковники были милейшими и добрейшими людьми, просто Бармалеи, но уже побывавшие в животе у крокодила. К студентам университета они относились бережно и с большим уважением. Был такой случай, полковник читал нам лекцию о химической разведке и по ходу дела сказал, что температура кипения воды 90 градусов. Самый прилежный и грамотный студент поправил его, сказал, что температура кипения 100 градусов. Полковник заглянул в свои шпаргалки, после чего ответил, что нет, его сведения из надежных источников, температура кипения воды 90 градусов, и нечего тут спорить. Студент сделал слабую попытку возразить, в ответ полковник выгнал его с урока. Но, через неделю, когда они опять встретились на занятиях, полковник извинился и сказал: «Вы совершенно правы, 90 градусов - это прямой угол».

Заканчивалась военка государственным экзаменом, а экзамену предшествовал выезд всего курса на стрельбы. Если я правильно запомнил, возили нас на Шиловский полигон. Вот этот ежегодный выезд и был самым главным событием в жизни военной кафедры. По слухам, полковники в эту поездку всегда надевали чистое белье, как матросы парусников в ураган, потому что студент с оружием - это источник нешуточной опасности. Я своими глазами видел, как один из нас, повернувшись к полковнику Митичану и направив ему в живот дуло пистолета, щелкал спусковым крючком и спрашивал: «Товарищ полковник, что-то у меня пистолет не стреляет?». К чести полковника надо сказать, что, несмотря на уже солидный возраст, он мгновенно залег в придорожную канаву, и уже оттуда раздался его громовой мат, да такой, что растяпа студент выронил пистолет, и порывался убежать, но вовремя одумался.

И все это притом, что было несколько строжайших инструктажей, на которых нас учили, как обращаться с оружием, последний прямо на полигоне. Все-таки военку студенты воспринимали, как веселую игру.

Пришла пора защиты диплома. Об этом знаменательном событии у меня сохранилось очень мало воспоминаний. Все защиты прошли без сучка и задоринки. Только, может быть, Саша Гайнер заставил самую малость поволноваться своего шефа и друзей.

Заранее был составлен список очередности защит. Подходит очередь Гайнера, а его нет нигде. Гайнеровский шеф, С.И. Маренников, мечется, как безумный, руками машет и все время кричит – «Где Гайнер? Где Гайнер?» Я к тому времени уже «отстрелялся» и был свободен, поэтому было решено послать меня, поискать Гайнера в общежитии.

Захожу я в комнату, где обитал Гайнер, и вижу живописную картину. Саша, в чем мать родила, сидит на корточках на стуле. Перед ним на столе стопка из примерно пяти уже переплетенных дипломных работ и ворох фотографий, много фотографий валяется также по всему полу. Саша кромсает эти фотографии кривыми маникюрными ножницами и клеит конторским клеем вырезанные клочки в дипломы.

У Саши был бзик, если намечалось какое-то мало-мальски торжественное событие, он всегда стирал штаны. Причем делал это в последний момент, когда времени на сушку уже не оставалось. Обычно в этих случаях он применял ускоренную сушку с помощью утюга. Вот и сейчас он только что закончил стирку и сушку брюк, помылся сам, а сейчас оденет все чистенькое и глаженое и, как ангелок, явится перед аттестационной комиссией. Осталось только вклеить в дипломы экспериментальные результаты, а голый он потому, что боится запачкать конторским клеем хоть что-нибудь из своего облачения.

Я объяснил ему ситуацию, сказал, что его очередь уже прошла. В ответ он попросил меня немедленно возвращаться в университет и передать дипломной комиссии, чтобы они сильно не волновались, он скоро будет. Что я и сделал, а Саша успел и даже не очень опоздал, всего на одну или две очереди.

Защита дипломов прошла-то гладко, но вот ожидание этой защиты было, наверное, немного более нервное, чем обычно, а у Жени Черкасова, наверное, даже много более. Незадолго до этого (может быть за месяц или два, точно не помню) с Джоном приключилась пренеприятная история.

У Джона была подруга, школьница, скорее всего последнего выпускного класса. По какой-то причине наш Женя не понравился ее родителям. На мой вкус он был весьма импозантным молодым человеком с фиксой на переднем зубе и слегка поломанным носом. Это же украшает. К тому же, студент выпускник. Чего они на него взъелись, не знаю. Но они взъелись и не нашли ничего более умного, как написать жалобу в деканат. Деканат отреагировал довольно вяло, какое-то разбирательство было, но без всяких последствий. Все бы хорошо, но буквально сразу после этого случая, Женя встрял в битву «Давида и Голиафа». Его лучший на то время друг, Сеня Рубанович, бодался с парткомкомсомолом. Была там какая-то история с путевками на поездки за границу по линии «Интерклуба» (что за организация не знаю). Во время этого препирательства, в котором участвовал так же и Женя, один из парткомовских вождей, некто, Преображенский, который знал о конфликте между Женей и родителями его пассии, допустил в отношении Жени, а может и его подруги тоже, грубое и при этом крайне глупое, никак не соответствующее никаким реальным фактам, и не имеющее никакой связи с настоящей полемикой, высказывание. Короче, сказал, как мы шутили в детстве, как в лужу перышко положил. Но при этом высказывание было настолько грубым и глупым, что Женя впал в ступор, как тот паренек после взрыва, о котором я писал. Дня два после этого Женя думал, насколько сильно его оскорбили, и от этих размышлений медленно приходил в бешенство. Через два дня он созрел, пошел в деканат и ляпнул там по физиономии Преображенскому, на глазах у сильно изумленного М.Ш. Рывкина (наш замдекана). По слухам, теперь уже Рывкин впал в ступор.

За такой поступок Джона должны были немедленно отчислить, невзирая на все ходатайства нашей группы к ректору и к комитету комсомола. Все отказали, и Спартак Тимофеевич, и доблестный комсомол. В общем, мы «похоронили» Джона. Но время шло,

а приказа все нет, тогда Женя, немного поколебавшись, написал и оформил диплом, а приказа все нет. Настал день защиты, приказа все нет. Женя защитился. Приказа нет, но выдадут ли диплом? Диплом выдали, а приказ так и не появился.

По слухам в это время в университетском парткоме было две враждующие фракции. Преображенский был активным членом одной из них. Поэтому, когда в парткоме узнали об инциденте, там разгорелась битва. Одни орали, что сами бы набили морду Преображенскому, а другие, что студент не смеет бить замдекана (или кто он там был, не помню) в деканате и по физиономии. Очень может быть, по крайней мере, хотелось бы в это верить, что дело кончилось дракой. Но, что точно, так это то, что про Черкасова в пылу борьбы забыли.

Писать воспоминания все равно, что чесать, где чешется. Уже и кончить хочется, а зуд нестерпимый. Одолевает желание еще что-нибудь рассказать. Это все равно, как если попасть в новую компанию, где тебя еще не знают и, поэтому можно скормить публике все свои старые анекдоты. Мечта идиота. Но заканчивать все равно надо, не то можно сильно расчесать.

Как относиться к прошлому? Можно ли его ругать? Есть расхожее мнение, что ни в коем случае нельзя. Даже поговорка на этот счет существует. Если кто выстрелит в прошлое из пистолета, то будущее шарахнет по нему из пушки. Но откуда известно, что я не та самая пушка. Т.е. из этой поговорки следует, что если ругаешь прошлое, уж ругай его, как из пушки. Камня на камне не оставляй. Очевидно, что и это чушь собачья.

Если считаешь, что прошлое - дерьмо, и вообще весь мир - дерьмо, то не забывай, что ты возник и сформировался в результате цепи случайных событий, которые могли произойти только в этом мире. Если все так плохо, то и ты в этом случае страшный засранец, поскольку для того, чтобы ты возник, понадобился именно такой мир.

Утверждение, что времена не выбирают, не совсем верно. Оно верно только в том, что выбираем не мы. Свободы выбора нет. Но мы с нашим временем находимся во взаимно однозначном соответствии. Выбор сделан с абсолютной точностью, иначе бы нас не было. Мир плох настолько, насколько ты сам плох. Можно ли хоть что-то исправить? Можно написать воспоминания, в которых все будет чуть-чуть лучше, и мир, и ты сам.

Еще раз перечитал все, что написал. Сволочь все же - этот Герцен. А с другой стороны, при нынешнем названии всегда можно сказать - «Винovat! Написал не подумавши».